

И. В. Тункина

АКАДЕМИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В НОВОРОССИЙСКИЙ КРАЙ 1821 г. ПОД РУКОВОДСТВОМ АКАДЕМИКА Е.Е. КЁЛЕРА*

(Новые архивные материалы)

В статье на основе архивных документов реконструируется история академической экспедиции 1821 г. по Новороссийскому краю (от Одессы до Таманского полуострова) под руководством академика Е.Е. Кёлера (1765–1838), при участии французского архитектора Э. Паскаля (1791–1861). Путешественники должны были снять планы с развалин, копии с древних надписей, принять меры по охране памятников, сообщать обо всех раскопках и приобретать древности для Кунсткамеры. Подробную информацию о ходе экспедиции дает неизданный путевой дневник Е.Е. Кёлера (ОР РНБ), документы об организации, проведении и итогах экспедиции (СПФ АРАН, РГИА), которые готовятся к изданию в русском переводе.

Ключевые слова: Императорская Санкт-Петербургская Академия наук, экспедиционная деятельность, изучение археологии юга России, первая четверть XIX в., охрана археологических памятников.

В о второй половине XVIII в., после присоединения Северного Причерноморья к Российской империи, внимание Петербургской академии наук переключилось с Урала и Сибири на земли «полуденного» края страны. Период «ученых путешествий» – зарождение отечественной археологии и выделение одной из первых ее субдисциплин – классической археологии – относится к концу XVIII и первой четверти XIX в. Археология, как и многие другие науки, фактически выросла из «географической практики». Антикварная парадигма (первичное накопление, описание и изучение древностей) стала составной частью энциклопедической парадигмы – первого опыта создания рационально построенной научной картины мира¹.

В рамках этой парадигмы проводил свои исследования классик естествознания, немецкий ученый на русской службе Петр Симон Паллас (1741–1811). По поручению Императорской Академии наук он проводил комплексное обследование естественных и исторических богатств южных губерний начиная с 1793–1794 гг. и вплоть до своего отъезда в Берлин в 1810 г., т.е. на протяжении 15 лет. Ему мы обязаны открытием и первой публикацией многих археологических, эпиграфических и нумизматических памятников Екатеринославского наместничества, Тавриды и Таманского полуострова, попытками локализации античных городов Северного Причерноморья, упомянутых древними авторами. Существенную часть земле-

Тункина Ирина Владимировна – доктор исторических наук, директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а и РГНФ, проект № 12-01-00008а.

¹ Подробнее см. Тункина 2002; 2009; Tunkina 2003.

описания составляла топографическая фиксация археологических памятников в контексте определенного природного и антропогенного ландшафта, блестящие примеры которой дали совместные исследования Палласа с таврическим вице-губернатором Карлом Габлицем (с 1794 г.) и английским профессором Э.Д. Кларком (1800 г.)². Авторитет П.С. Палласа оказался настолько велик, что ученые-антиковеды всей Европы долгое время некритически следовали его локализациям (нередко ошибочным) античных центров Северного Причерноморья, предложенным во втором томе описания южного путешествия³.

Книга Палласа открыла миру многообразие археологических богатств юга России, поставила вопрос о необходимости проведения раскопок, организации научного изучения и охраны памятников археологии, создания специализированных музеев близ мест случайных находок древностей.

В первой четверти XIX в. началась интенсивная специализация научных дисциплин, в том числе исторических. Санкт-Петербургская Императорская Академия наук в 1803 г. избрала своим членом-корреспондентом, а в 1817 г. – действительным членом по греческой и римской литературе и древностям немецкого ученого Генриха Карла Эрнста (в России – Егора Егоровича) Кёлера (Heinrich Karl Ernst Köhler; 1765–1838). Саксонский немец, уроженец Вехсельбурга (графство Шёнбург), он по настоянию отца учился на юридическом факультете университета в Виттенберге, который закончил в 1783 г. С 1787 г. Кёлер продолжил образование уже по классической филологии и археологии в Лейпциге, участвовал в работе археологического семинара Райца вместе с будущими известными филологами Ф. Аделунгом и Г. Германом, занимался интенсивным самообразованием в библиотеках Дрездена и Берлина. В 1791 г. Кёлер прибыл в Петербург как домашний учитель, по протекции барона А.Л. Николаи получил доступ в императорские собрания древностей к коллекциям античной скульптуры и глиптики Екатерины II, которые поразили его своим разнообразием и богатством. Уже в январе 1798 г. Кёлер поступил библиотекарем и хранителем Кабинета антиков и медалей Императорского Эрмитажа, где сделал быструю служебную карьеру – практически до своей смерти он служил начальником I Отделения, Иностранной библиотеки и антиков (1805–1817, 1819–1837), дослужившись до чина действительного статского советника (1822 г.). Кёлер, никогда не имевший ученой степени, получил известность в кругу западноевропейских антиквариев и еще при жизни достиг европейского научного признания. Благодаря трудам петербургского академика и личной переписке с ним о «русской античности» начали узнавать ученые в странах Западной Европы. Кёлер был избран почетным вольным общником Императорской академии художеств (1823), почетным членом Венской академии художеств, членом-корреспондентом Берлинской (1812), Мюнхенской, Стокгольмской академий наук, членом Археологической академии и почетным членом Института археологической корреспонденции в Риме, членом-корреспондентом Королевского научного общества в Гёттингене, членом Курляндского общества литературы и искусства⁴.

В последние годы жизни Е.Е. Кёлер тяжело болел и фактически отошел от дел. Академия наук посмертно издала его 6-томное собрание избранных сочинений под редакцией его преемника по академической кафедре (с 1850 г.) и Отделению древностей Эрмитажа Л.Э. Стефани⁵. Основные труды Кёлера посвящены истории и

² Тункина 2002, 485–487, 501–503.

³ Pallas 1801; 1803; Паллас 1999.

⁴ Morgenstern 1839; Тункина 2002, 65–84.

⁵ KGS 1850–1853.

исторической географии античных государств Причерноморья, публикациям гемм, эпиграфических и нумизматических памятников, критическим обзорам трудов других лиц. Во всех этих исследованиях проявилась свойственная Кёлеру прямота и резкость суждений, не щадившая никакие научные авторитеты. Недоумение современников вызывали его резкие критические выпады в адрес французского ученого Д. Рауль-Рошетта, а также высказываемое в его статьях «пренебрежение к... несчастным младшим детям Понтийской Клио» (слова И.А. Стемковского), т.е. к исследованиям отечественных антиквариетов-любителей И.П. Бларамберга, П. Дюбрюкса, П.И. Кёппена и др.⁶, которые осмелились заниматься монополизированной академиком научной областью – античной историей и археологией Северного Причерноморья.

Сугубо кабинетный гелертер антикварного толка, Е.Е. Кёлер основное внимание уделял изучению не собственно археологических, а письменных, эпиграфических, нумизматических источников и произведений античного искусства. Еще в начале своей карьеры в России он понял, что для реконструкции античной истории Северного Причерноморья необходимо изучение археологических памятников на местности с целью разрешения споров о локализации упомянутых в нарративной традиции городов и поселений, открытия новых древних надписей, монет и пр. В 1804 г. на заседании Конференции (Общего собрания) Академии наук было зачитано «Письмо о нескольких медалях Европейской Сарматии и Херсонеса Таврического, адресованное в Академию одним из ее корреспондентов», в котором Кёлер обратил внимание на неизученность основных вопросов истории, археологии и нумизматики античных государств северного берега Понта. Автор упрекнул русских ученых в том, что иностранные путешественники опережают их «в славных научных открытиях» на ниве изучения причерноморских классических древностей⁷. Уже весной того же года по собственной инициативе Кёлер и немецкий художник-пейзажист Карл фон Кюгельхен (1772–1831) были командированы в губернии, прилегающие к Черному морю. Каждому путешественнику было выдано по 1 тыс. руб. из средств Кабинета императора Александра I⁸. Кёлер путешествовал более полугода, с июня до глубокой осени 1804 г. (остаться далее в Крыму ему помешала болезнь), Кюгельхен – 14 месяцев. Художник сделал более 200 зарисовок, частично приобретенных царем Александром I и ныне хранящихся в Эрмитаже⁹.

Точный маршрут экспедиции 1804 г. неизвестен, хотя, скорее всего, он был повторен второй экспедицией 1821 г. Основным путеводителем для ученого оставалось издание описания южного путешествия Палласа. Кёлер побывал в Харькове, Одессе, Николаеве, осмотрел городища и некрополь древней Ольвии, Очаков, Херсон, затем через Перекоп попал в Крым – через Симферополь он проехал в Козлов (Евпаторию), Бахчисарай, побывал в центральном и горном Крыму, Севастополе и его окрестностях, Балаклаве, проехал по южному берегу полуострова, заехал в Судак, Старый Крым, Феодосию, обследовал Керченский и Таманский полуострова. На Тамани в 1804 г. Кёлер открыл памятник боспорской царицы Камасарии (Комосарии), имя которой было ранее неизвестно из античной письменной традиции, причем из надписи на пьедестале (КБН 1015) впервые стала известна

⁶ Köhler 1822h; 1823. См. ответ П.И. Кёппена: Köppen 1823.

⁷ Köhler 1805a.

⁸ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1788. Л. 1; Ф. 466. Оп. 1. Д. 214. Л. 133.

⁹ Илатовская 1985.

титулатура царей Боспора. Этому памятнику Кёлер посвятил специальное исследование, впоследствии переведенное на русский язык¹⁰, где впервые опубликовал несколько античных надписей, хранившихся в приделе церкви Покрова Пресвятой Богородицы в станице Тамань (КБН 1043, 1045, 1046, 1049). Именно эта работа Кёлера заложила фундамент для *научного* изучения древностей Боспора.

Собранные монеты неизвестных ранее севернопричерноморских типов и другие «древние редкости» Е.Е. Кёлер представил в дар Александру I. В возмещение издержек на поездку и приобретение антиков ему было пожаловано 1800 руб. и перстень от имени царя¹¹. По докладу ученого властям в 1805 г. было принято утвержденное императором распоряжение по Министерству внутренних дел, запрещающее иностранным путешественникам собирать древности на казенных землях Тавриды¹². Хотя никаких средств на охрану и реставрацию памятников тогда выделено не было, можно с полным правом утверждать, что это распоряжение стало одним из первых правительственных актов по охране древностей Северного Причерноморья.

В 1817–1819 гг. Е.Е. Кёлер, недовольный своим материальным положением в России, вышел в отставку и отправился в путешествие по Германии, Италии, Франции, где осматривал художественные коллекции музеев и устанавливал личные контакты с европейскими антиквариями, но лучшего места для службы не нашел и вернулся в Петербург. Во время этой поездки Кёлер заехал в имение А.Г. Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губернии (10–11 октября 1817 г.) и в имение польских магнатов Потоцких Тульчин в Подольской губернии (19 октября 1817 г.)¹³, где скопировал хранившиеся там надписи, в том числе жемчужину эпиграфики Ольвии – декрет в честь Протогена, который он обнародовал первым¹⁴.

Инициатором второй, уже академической археологической экспедиции 1821 г. акад. Е.Е. Кёлера на юг России стал известный русский писатель В.В. Капнист (1758–1823). Еще в 1819 г. он обратился к министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну с письмом, в котором указал на недопустимость уничтожения культурного наследия цивилизаций, оставивших свои следы в Причерноморье, и необходимость принятия правительственных мер по охране памятников, для чего предлагал отправить в Тавриду «ученых людей» для изучения древностей¹⁵. Записка Капниста была заслушана 17 августа 1820 г. на заседании Комитета министров. Общественные здания в то время находились в ведении Министерства внутренних дел, поэтому одну копию письма В.В. Капниста А.Н. Голицын направил на усмотрение министра МВД графа В.П. Кочубея, а другую – президенту Императорской Академии наук графу С.С. Уварову, предложившему ее на обсуждение Конференции Академии наук с просьбой разработать план экспедиции на юг России. По решению Конференции экспедицию возглавил Е.Е. Кёлер, единственный из академиков-гуманитариев, лично побывавший в Причерноморье.

В записке, представленной в Конференцию Академии наук, Кёлер, основываясь на своих впечатлениях от поездки 1804 г., разделил все древности Тавриды на две группы – памятники архитектуры, т.е. недвижимые архитектурно-археологиче-

¹⁰ Köhler 1805b; Кёлер 1850.

¹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1788.

¹² Стевен 1891, 35 № 13; Тункина 2002, 613–614 № 2.

¹³ Подробнее см. Иванчик 2007, 186, 195–196, 200.

¹⁴ Köhler 1822a, b.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 5–6 об.

ские остатки («греческие, генуэзские, турецкие и татарские здания, или их развалины») и «памятники, подающие для древней истории особенное объяснение», т.е. движимые артефакты – археологические, эпиграфические и нумизматические источники («древние надписи на мраморе и других камнях, как и древние монеты и другие древности, находящиеся в Крыму и на Тамане»). Для решения вопроса о консервации памятников архитектуры он предлагал направить в Крым архитектора с целью составления на месте подробных смет на эти работы. Академик предлагал учредить должность «смотрителя древностей» в Крыму и возложить эти обязанности на одного из крымских чиновников, например Поля Дюбрюкса¹⁶, проживавшего в Керчи. «Смотрителю древностей» следовало поручить надзор за случайными археологическими находками в Крыму и на Таманском полуострове с целью их приобретения для Феодосийского музея и пополнения склада древностей в приделе церкви Покрова Пресвятой Богородицы в ст. Тамань. Напомню, что первый музей Тавриды – Феодосийский музей древностей – был открыт в 1811 г.¹⁷, а музеи в Одессе и Керчи соответственно в 1825 и 1826 гг. уже при руководстве Новороссией графом М.С. Воронцовым. Лучшие из открытых памятников – редкие монеты, «золотые вещи, превосходные медные и глиняные сосуды и фигуры», копии и эстампажи вновь открытых надписей «смотритель древностей» должен был представлять в Петербург в Министерство народного просвещения, в ведении которого находилась Императорская Академия наук¹⁸. По рекомендации архитектора О. Монферрана сопровождать Кёлера на юг должен был французский архитектор на русской службе Эжен (в России – Евгений Францевич) Паскаль (1791–1861).

Совместными усилиями академиков Ф.И. Круга, Х.Ф. Грефе, Х.Д. Френа, Е.Е. Кёлера была выработана подробная инструкция для участников экспедиции, одобренная Конференцией Академии наук и утвержденная министром народного просвещения князем А.Н. Голицыным¹⁹. В ней подчеркивалась необходимость снять с развалин «верные чертежи», а с греческих, латинских и татарских надписей «верные копии», ходатайствовать перед местными властями об охране памятников, сообщать о всех проводимых раскопках и приобретать древности для академического музея – Кунсткамеры. Путешественников снабдили подробной 10-листовой картой Крыма генерал-майора С.А. Мухина 1816 г. стоимостью 100 руб. и специально заказанными геодезическими инструментами (нивелир со штативом, планшет с буссолью, мензула, уровень, компас, мерная цепь, рейка и т.п.)²⁰. На проведение экспедиции было выделено 8 тыс. рублей ассигнациями из «экономических» (внебюджетных) средств Академии наук²¹.

Экспедиция академика Е.Е. Кёлера продолжалась 5 месяцев, с 29 мая по 31 октября 1821 г., и охватила огромную территорию от Одессы до Крыма и Таманского полуострова, т.е. фактически весь юг Российской империи, тогда именовавшийся Новороссийским краем²². Большую часть пути ученого сопровождал архитектор Э. Паскаль с поручением оценить возможности реставрации памятников и выполнить зарисовки надписей, планы и чертежи археологических объектов. Он

¹⁶ О нем см. Тункина 2010а.

¹⁷ Подробнее см. Тункина 2011.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 24–32.

¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 67–72 об.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 81.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 40–41 об.

²² Гнучева 1940, 165; Тункина 2002, 76–83.

присоединился к Кёлеру в Одессе 11 июля 1821 г. и последовал с ним в Крым, сопровождая в поездках по Тавриде и Таманскому полуострову.

Подробную информацию о ходе экспедиции дают официальные правительственные документы из Российского государственного исторического архива, рапорты Е.Е. Кёлера и Э. Паскаля из академического архива²³ и неизданный путевой дневник Кёлера на немецком языке из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки²⁴. Эти материалы впервые будут опубликованы в книге, которая готовится к печати автором статьи. Русский перевод обширного дневника путешествия академика 1821 г., выполненный И.М. Дунаевской, планируется дополнить официальной перепиской об организации экспедиции, отчетами, рапортами, протоколами заседаний Конференции Академии наук на языках оригинала (французском, немецком, русском) и в русских переводах Н.Л. Сухачева и Л.Д. Бондарь. Немецкую транскрипцию трудночитаемых документов на готической скорописи осуществил Вернер Лефельдт (Гёттингенская академия наук). В приложении будут опубликованы 16 писем И.А. Стемпковского к П.И. Кёппену за 1823–1831 гг., которые характеризуют сложные взаимоотношения столичных академиков с провинциальными антикварами, занимавшимися античной историей и археологией Новороссийского края. Текст содержит иллюстрации – карты, планы, чертежи, рисунки первой трети XIX в., впервые вводимые в научный оборот, подробные комментарии специалистов по античной и средневековой археологии Северного Причерноморья (Ю.М. Могаричев, В.Л. Мыщ, И.А. Снытко, Н.А. Павличенко, М.М. Петрова, С.Р. Тохтасьев, И.В. Тункина, Е.Я. Туровский и др.), именной и географический указатели.

Дневник и официальная документация той эпохи представляли значительные трудности при их комментировании из-за неверной передачи Е.Е. Кёлером греческих, татарских, русских и других названий (фамилий, топонимов и пр.). Саксонский немец, большую часть жизни проживший в России, академик Е.Е. Кёлер и его спутник француз Э. Паскаль русский язык знали крайне плохо, так как в высшем российском обществе пушкинской эпохи было принято говорить и писать преимущественно по-французски. Незнание языка мешало путешественникам верно воспринимать на слух местную топонимику и ономастику, что нашло отражение как в путевом дневнике, так и в их официальных рапортах в Академию наук. Поэтому соотнесение топонимики и ономастики, использованных Кёлером и Паскалем, с реальными географическими названиями (в том числе татарскими в Крыму) и личными именами стало целой проблемой, которую участники издания попытались решить.

Дневник пятимесячной поездки Е.Е. Кёлера характерен интереснейшими бытовыми зарисовками эпохи. Ежедневные записи включают все, что привлекло внимание путешественника: красоту окрестных пейзажей, трудности пути по плохим почтовым дорогам и горным тропам (дороги в Крыму стали строиться только при М.С. Воронцове), постоянные поломки и ремонты экипажа и проч. Из документов известно, что 30-летний Э. Паскаль трижды спасал жизнь своему 56-летнему спутнику. Нередко путешественники пользовались услугами татарских проводников, из-за отсутствия постоянных дворов останавливались на ночлег у гостеприимных крымских помещиков. В дневнике Кёлера зафиксированы сведения о встречах с государственными деятелями, учеными, военными, помещиками и пр. Среди

²³ Частично опубл.: О сохранении... 1872.

²⁴ ОР РНБ. Нем. Q IV 181, 244–272 об.

них – Каролина Польшман, бывшая жена П.С. Палласа, и основатель Никитского ботанического сада Х.Х. Стевен, одесские, феодосийские и керченские антиквари И.П. Бларамберг, А. Галлера, П. Дюбрюкс и многие другие лица той эпохи.

Описание бытовых подробностей (вплоть до блюд и напитков) сочетается с рассказами об увиденных памятниках и приобретенных антиках – надписях, керамических клеймах, резных камнях, монетах и проч. В 1821 г. Кёлер заново скопировал античные лапидарные надписи и керамические клейма, впервые увиденные им в 1804 г. в Кабинете редкостей Черноморского депо карт и Штурманском училище в Николаеве, Феодосийском музее, в приделе церкви Покрова Пресвятой Богородицы в ст. Тамань и в частных собраниях юга России (Москва, Харьков, Одесса, Николаев, Севастополь, Керчь, Феодосия и др.). Ученый не только занимался сличением и интерпретацией текстов лапидарных памятников, которые готовились им к публикации, но и не забывал отдавать приказы о помещении камней в условия, обеспечивающие их сохранность. Ряд керамических клейм, зарисованных в путевом дневнике Кёлера 1821 г., включен в каталог дореволюционного собрания Эрмитажа: видимо, они попали в музей из его собственной коллекции²⁵.

Записи Е.Е. Кёлера позволяют уточнить как чтение, так и паспортизацию ряда эпиграфических памятников. Он описывает фрагментированный декрет на белом мраморе II в. до н.э. с упоминанием коллегии синедров и Хреста Херсонесита (SIG II 2056e = IGBR I² 39) из коллекции И.П. Бларамберга, позднее попавший в Одесский городской музей древностей (ныне – ОАМ НАНУ). В литературу вошла ошибочная паспортизация памятника: А. Бёк относил надпись к находке в Варне (древний Одесс), В.Н. Юргевич – к Херсонесу Таврическому²⁶. В свою очередь В.В. Латышев считал, что камень происходит из античной Месембрии (совр. Несебыр) на основании написания во второй строке названия месяца не в обычной ионийской – *артемисий*, а в дорийской – *артемисион* – форме²⁷. Однако Латышев напрасно приписывал документ к эпиграфическим памятникам, привезенным В.Г. Тепляковым, путешествие которого в Болгарию по распоряжению М.С. Воронцова было совершено лишь 8 лет спустя, в 1829 г.²⁸ Впоследствии Г. Михайлов (вслед за Ф. Билабелем) отмечал, что форма *артемисион* известна в эллинистический период и в ионийских полисах – Истрии и Одессе (или Аполлонии), и вместе с А. Бёком считал надпись происходящей из Одесса. На тех же основаниях Б.Н. Граков²⁹ относил памятник к Томам. Однако Е.Е. Кёлер со слов владельца И.П. Бларамберга в 1821 г. определенно сообщает об ольвийском происхождении этого декрета.

Из дневника и других документов выясняется, что в 1821 г. Кёлер с помощью крестьян экономии графа Кушелева провел раскопки в юго-восточной части городища Ольвии на месте, где был найден фрагмент декрета в честь Протогена (IOSPE I² 32), а также археологические исследования внутри цитадели у западных ворот – эти пункты помечены на всех ранних планах как место открытия надписей. Ученый высказал собственные соображения о системе обороны Ольвии и внес важные уточнения к планам городища, снятым И.С. Бориславским и П.И. Кёппеном.

²⁵ См., например: Придик 1917, 80 № 379, 134 № 56.

²⁶ Юргевич 1879, 11 № VII.

²⁷ Latischew 1894, 220–222 № 6.

²⁸ Тункина 2002, 393–399.

²⁹ Граков 1939, 255.

Следует подчеркнуть, что Е.Е. Кёлер первым зафиксировал ряд утраченных к настоящему времени археологических памятников. Он описал конструкцию снесенного Спасского кургана в Николаеве, на котором была возведена Николаевская морская астрономическая обсерватория. При планировке земли на месте строительства были обнаружены остатки «древних строений» и после очистки от песка зарисованы. В Российском государственном архиве Военно-морского флота сохранился рисунок, позволяющий судить о том, что были открыты каменные кромлехи – четыре концентрических круга из каменных плит. Внутри центрального кромлеха был найден каменный ящик со скорченным погребением на спине и подогнутыми ногами, с подсыпкой красной охрой, а в изголовье стоял лепной сосуд, относящийся к эпохе энеолита – ранней бронзы.

Именно Е.Е. Кёлер первым в 1804 и 1821 гг. зафиксировал ряд поселений ольвийской периферии – городища Чертоватое 1 («Крутой узвоз») и Чертоватое 2, курганный могильник близ Чертоватой балки, городища Козырка 1, «Аджигольский городок» или Днепровское 2 (по предположению ряда авторов, в средневековые – генуэзский замок Иличе (?) третьей четверти XV в.), Петуховка I и II, Бейкуш, открытие которых в современной литературе ошибочно приписывают А.С. Уварову, В.И. Гошкевичу и др. Еще в 1804 г. Кёлер провел раскопки близ мыса Фанари на Маячном полуострове, где вслед за Палласом локализовал Старый Херсонес Страбона. К сожалению, в 1821 г. подробного описания древностей Маячного полуострова, обследованных Палласом и Кларком в 1800 г., Кёлер не оставил, так как ему не хватило времени на пешие экскурсии, зато подробно описал руины у Казачьей, Круглой и Стрелецкой бухт, пропущенные в описании путешествия Палласа. Кёлер правильно интерпретировал увиденные руины на Гераклеюском полуострове как следы многокилометровых выложенных камнем межевых дорог и фланкирующих их стен, ограничивающих земельные наделы граждан Херсонеса Таврического, описал остатки каменных усадеб, плантажных стен для виноградников, укреплений с башнями и дозорных башен.

На северной стороне Севастопольской бухты, у современного мыса Радио-Горка и Старо-Северной бухты Е.Е. Кёлер осмотрел случайные археологические находки: погребение эллинистической эпохи – каменный ящик с крышкой в виде двускатной крыши («карточного домика»), в котором находилось труположение с сосудами. Хозяин сада, фамилия которого Кёлером не названа, примерно в 1812–1813 гг. обнаружил ряд архитектурных остатков, вероятно, от храма или другого общественного здания, и поднял с глубины двух саженей (4, 2 м) от поверхности моря две колонны, причем пол здания находился выше уровня моря того времени больше, чем на сажень (2,1 м). Колонны «по незнанию» были одним из офицеров распилены на три части и перевезены в Севастополь. Кёлер описал фрагмент одной из колонн как дорической из сероватого мрамора, с поперечными кругами, высотой с человеческий рост³⁰. Древние строительные остатки на Северной стороне Севастополя, полностью уничтоженные антропогенным воздействием еще в XIX в., Кёлер посчитал руинами античного города Евпаторий в Таврике (Strabo VII. 4. 7; Ptol. III. 6. 2; Amm. Marc. XXII. 8. 36), локализация которого дискуссионна до сих пор.

При описании древностей Восточного Крыма Е.Е. Кёлер, полемизируя с П.С. Палласом, привел серьезные аргументы в пользу отождествления Пантикапея с Керчью, которое в то время еще не было доказано окончательно. Осмотрев курга-

³⁰ Тункина 2002, 506.

ны с уступчатыми склепами, открытыми и разграбленными матросами командира Керченской транспортной флотилии Патиниоти в 1820–1821 гг.³¹, Кёлер обратился к херсонскому военному генерал-губернатору А.Ф. Ланжерону с просьбой запретить разрушение древних гробниц, так как он видел, как огромные тесаные камни разбирались местными жителями «на постройку их хижин». Археологические памятники Таманского полуострова, впервые виденные Кёлером в августе–сентябре 1804 г., описаны им суммарно, а предложенные ученым гипотетические локализации античных городов по большей части не соответствуют принятым в современной науке. Так, античную Корокондаму Кёлер ошибочно локализовал в станице Тамань (ныне общепринятая локализация – античная Гермонасса, Тмударакань русских летописей). Уточнению собственных списков надписей, найденных на Азиатском Боспоре, Кёлер посвятил неделю – с 30 августа по 4 сентября 1821 г. В дневнике описаны обстоятельства открытия в 1804 г. надписи и скульптур памятника царицы Камасарии у мыса Андри-Атам (Андра-Атам) или Рахмановского (ныне гора Борисоглебская на западном берегу Ахтанизовского лимана), конструкция подкурганных склепов близ ст. Тамань, открытых раскопками Я.Л. Парокья в 1817–1818 гг., а также случайно найденные в 1818 г. надпись Ксеноклида (КБН 1014) и фундамент храма Артемиды Агротеры (Сельской) на берегу Ахтанизовского лимана.

В своем дневнике Кёлер кратко отмечает не только конструктивные особенности недавно раскопанных античных курганов и погребений, приводит наброски надгробий, но и обстоятельно описывает устройство средневековых крымских крепостей, мечетей, храмов, монастырей, кладбищ и проч., изредка сопровождая их небольшими схемами и рисунками (профессиональные виды и планы описанных памятников он ожидал получить от Э. Паскаля, но его надежды в конце концов не оправдались). Дневник доказывает, что именно Кёлеру принадлежит приоритет в открытии и описании ряда средневековых памятников Крыма, в том числе укреплений: Кокия-Исар X–XV вв. на вершине скалистого мыса «Айя-Бурун» (современный мыс Айя), Сюйреньской крепости VI–XV вв., городища X–XIII вв. и монастыря XIV–XV вв. Пампук-кая близ Албата, Чоргунского исара. Часть этих памятников была повторно открыта лишь во второй половине XIX в. и в XX в. Но многие отмеченные ученым средневековые латинские и греческие надписи, тогда еще отчетливо видимые, не были им скопированы – как филолога-классика Кёлера прежде всего интересовали памятники античного периода. В их числе латинская генуэзская надпись, находившаяся в 1821 г. в Кинбурнской крепости, граффити на греческом языке на внутренней части ворот крепости Мангуп, которые были лишь упомянуты, но не скопированы антикварием. К сожалению, все эти памятники оказались навсегда утраченными для науки.

По итогам поездки Е.Е. Кёлер представил Общему собранию Академии наук рапорт от 21 ноября 1821 г. с классификацией осмотренных памятников. В первую группу им включены «строения, которые при весьма скромных затратах могут быть отреставрированы для сохранения их еще надолго» – лучше сохранившиеся византийские, генуэзские, татарско-турецкие архитектурно-археологические памятники. Их следует «привести... единожды в хорошее состояние и в оном содержать» (мечеть в Козлове, мавзолеи в Эски-Юрте, укрепления Балаклавы, Мангупа, Судака, бани и мечети в Феодосии, крепость и мечети в Эски-Сарае). Заботам местной администрации он предлагал поручить охрану «ветхих» укреплений в

³¹ Подробнее см. Тункина 2010b.

Гурзуфе, остатков Херсонеса-Корсуня, руин на Гераклейском полуострове, пещерных церквей и крепости в Инкермане, Черкес-Кермене, развалин на «мысе Айя», ряда средневековых памятников на южном берегу Крыма, древнего водопровода в Еникале.

Из-за неразвитости археологии в целом Кёлер зачастую приводил неверную культурно-историческую атрибуцию византийских, генуэзских и татарских построек. Жившие в эпоху неоклассицизма, Кёлер и Паскаль искренне не понимали самобытность архитектурных памятников эпохи Крымского ханства и важность их сохранения: они предлагали снести «ветхий», по их мнению, дворец в Бахчисарае и взамен построить новый, каменный, меньших размеров в «восточном вкусе». При этом Кёлер осознал важность не только видовой, но и картографической и архитектурно-археологической фиксации объектов и полагал, что Паскаль, оставшийся в Севастополе до сентября 1822 г., должен был быть «занят планами и зарисовками всех древних остатков архитектуры в Крыму» и одновременно «надзирать» за реставрационными работами, поэтому в своем отчете Конференции Академии наук 21 ноября 1821 г. предлагал приставить к архитектору помощника – «землемера для составления геометрических планов территории и снятия карт».

Ко второй группе памятников Е.Е. Кёлер отнес плохо сохранившиеся фрагменты древнегреческой архитектуры: «циклопические» сооружения и древнегреческие памятники на Керченском полуострове – Золотой курган, «Кресла Митридата», укрепления на горе Опук, два великолепных подкурганных уступчатых склепа, открытые матросами Патиниоти на рубеже 1820–1821 гг. под Керчью, а также видимые на поверхности земли остатки фундаментов античных храмов и зданий. Многие из них использовались местным населением «безденежно» в качестве каменоломен: в Керчи были разрушены великолепные склепы курганов Патиниоти, а «весьма драгоценные и редкие вещи... розданы первому приходящему», причем ни одна из них не попала в Кабинет императора Александра I. По убеждению ученого, власти должны запретить порчу памятников древней архитектуры, независимо от того, какому народу они принадлежат – грекам, генуэзцам, туркам, татарам и т.д.

Е.Е. Кёлер рекомендовал наложить запрет на проведение раскопок вплоть до тех пор, пока не «будут найдены средства вести их к реальной выгоде науки». Он предлагал начать субсидируемые правительством раскопки в Севастополе, продолжить их в Керчи и на Тамани, где были открыты курганы с ценными находками. Руководство полевыми работами он предлагал доверить уже не Дюбрюксу, отношения с которым расстроились во время посещения Керчи в 1821 г., а «двум выдающимся офицерам» Черноморского флота из Севастополя, видимо, коллекционерам антиков, грекам братьям Псомасам, приказав им присылать все найденное без каких-либо исключений министру народного просвещения³².

«Все памятники Крыма представляются мне достойными описания, – писал Кёлер. – Какой труд доставит более чести этой великой Империи? Французы и особенно англичане со рвением опубликовали древности своих стран. Но их богатства – ничто, если их сравнить с крымскими, и их памятники не столь многочисленны и не столь далекого времени, как памятники Тавриды». Академик предлагал издать одним томом, состоящим из 12–13 тетрадей, «живописные» гравированные виды памятников Крыма, для чего отправить в Тавриду искусного художника. В случае, если издание видов принесет коммерческий успех, вторым томом он

³² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 108–111об.

рекомендовал опубликовать увражи с видами Бессарабии, Кавказа, Грузии, Картли, Кахетии и Имеретии.

Э. Паскаль, оставшийся в Крыму после отъезда Е.Е. Кёлера, по его поручению должен был снять планы и выяснить характер развалин близ мысов Фиолент и «Айя» у Георгиевского монастыря, противоречиво описанных многими путешественниками, прежде всего Палласом и Кларком. В декабре 1821 г. силами 10 матросов 35 флотского экипажа из Севастополя Паскаль провел 22-дневные археологические исследования близ мыса Фиолент с целью поиска руин храма херсонесской Девы или «храма Ореста», но нашел лишь остатки «маленькой варварской крепости» средневековой эпохи, частично обрушившейся в море. «Главная часть» сооружения была раскопана на глубину двух саженей (4, 26 м), и там были обнаружены «две гробницы». Последние были сложены из «двух грубо отесанных камней, на которые поставлены две маленькие старинные лампы также грубой работы, прах покоится на основаниях из морского грунта». Паскаль писал, что «камни внутри раскопанной части хорошо отесаны и симметрично положены, скреплены цементом настолько крепким, как и сам камень». Стены, примыкающие к основной части постройки, были расчищены на глубину аршина (0, 71 м). На обрыве берега также были найдены круглые в плане стены, которые образовывали «башню», раскопанную на глубину два аршина (1, 42 м), «однако я смог обнаружить лишь ее половину, так как остальное обрушилось на берег моря». Камни этой стены были квадратные, величиной в половину аршина (0, 35 м) и поставлены «очень симметрично», в отличие от камней главного сооружения, которые имели «длину два [1, 42 м], полтора [1, 06 м] и один [0, 71 м], три четверти [0, 53 м] аршина, толщину – один аршин [0, 71 м]; камни прилегающих стен – один [0, 71 м], половина [0, 35 м] и три четверти [0, 53 м] аршина длиной и три четверти аршина [0, 53 м] толщиной»³³. Скорее всего раскопки Паскаля были проведены в районе современного мыса Безымянный³⁴.

Академия получила от Паскаля рисунок – планы, разрез и общий вид развалин близ мыса Фиолент. «Я воздерживаюсь от вынесения своего суждения по этому рисунку, – писал с раздражением Кёлер, – пусть академия решит, годится ли это произведение для чего-либо».

4 января 1822 г. Э. Паскаль выслал из Севастополя в Петербург «рисунки нескольких камней с зарисовкой барельефов» (надгробий?), найденных в Херсонесе («некоторых барельефов и копии греческих надписей, снятых греком Тома» под наблюдением севастопольского коллекционера И.П. Псомаса), и «памятника на Таманском полуострове» (видимо, вид «памятника русской истории», сооруженного из античных и средневековых надписей, барельефов и колонн архитектором Н.А. Львовым в августе 1803 г. в приделе церкви Покрова Пресвятой Богородицы в ст. Тамань).

³³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1820. Д. 1. Л. 144–145 об.

³⁴ В 1997–2001 гг. Фиолентская экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством Т.Ю. Яшаевой на вершине скалы, на самой оконечности мыса Безымянного открыла остатки христианского храма второй половины IX–X в.: зачищены фасы стен и исследована площадь вокруг, обнаружены фрагменты керамики IV–III вв. до н.э. и эпохи средневековья VIII–XI вв., свидетельствующие о существовании здесь какого-то памятника, погибшего в результате береговой эрозии. К северо-востоку от храма, на перешейке мыса Безымянного, прослежен выход скалы или кладки ограды храма, ниже залегал слой с керамикой IV–III вв. до н.э., а в центральной части мыса открыт зольник (Яшаева 1999; 2005, 483–493; Зубарь 2009, 411).

Планировавшие по поручению Кёлера раскопки на «мысе Айя», где еще Палласом были зафиксированы руины каких-то построек, не были проведены Паскалем – архитектор обещал выслать в Петербург «план, разрез и вид» этого памятника, который он «не завершил обследованием из-за плохой погоды». Под «мысом Айя» подразумевался либо современный мыс Виноградный, либо мыс Лермонтова (Джаншиев) с гротом Дианы. Топоним, упомянутый П.С. Палласом, Е.Е. Кёлером и Э. Паскалем, к этой местности впоследствии не применялся, так как в 12, 8 км восточнее расположен другой мыс Айя³⁵. Мыс Виноградный на обрывистом побережье Гераклеяского полуострова, к западу от мыса Фиолент, тогда входил в территорию Балаклавского Свято-Георгиевского монастыря³⁶.

Уже после отъезда Е.Е. Кёлера в Петербург Э. Паскаль совершил несанкционированную поездку на Таманский полуостров, потратив на нее остатки денег, и просил академию о дальнейшем финансировании своего пребывания в Крыму, пожаловавшись на неполную выплату ему Кёлером командировочных средств в личном

³⁵ Мыс Айя (греч. «Святой мыс») южнее Балаклавы – это юго-западная оконечность обрывистого выступа берега моря, расположенная между Балаклавской бухтой и мысом Сарыч, в 12 верстах к югу от Балаклавы и в 28 верстах к юго-востоку от Херсонеса. К востоку от него начинается Южный берег Крыма.

³⁶ Видимо, раскопки того же памятника в 1896 г. проводил К.К. Косцюшко-Валюжинич. По внутреннему периметру им были оконтурены маленькая одноапсидная церковь и три помещения, интерпретированные как монастырь XIII–XIV вв., составлен общий план комплекса, однако, за исключением двух донышек поливных чашек, археологический материал тогда остался не опубликованным. Из-за угрозы разрушения памятника в 1989–1992 гг. проводилось его исследование экспедицией Херсонесского заповедника под руководством Т.Ю. Яшаевой: уточнен общий план комплекса, открыты новые помещения, крытый внутренний хозяйственный дворик с двумя очагами и монастырская ограда, при раскопках храма-часовни найдены фрагменты полихромных фресок и створка креста-энколпиона. Под юго-западной стеной храма-часовни и вокруг апсиды открыты четыре безинвентарных погребения. Наземная часть комплекса погибла в пожаре в XIV в. (Яшаева 1995, 150; Зубарь 2009, 406). В 1993 г. на юго-западном обрывистом берегу той же экспедицией исследован пещерный монастырский комплекс, который первоначально использовался как отшельническая келья и скит (с VI в.), а в новое время как кошара. Пещерный комплекс состоял из четырех помещений, высеченных в обрыве скалы по периметру большого грота и соединенных между собой: помещение с источником (возможно, «святым»), трехчастная трапезная с кладовой, помещение со скальным выступом-лавкой и кухня с двумя очагами. В скальном полу внутреннего дворика были вырублены три ямы, одна из которых служила для выплавки металла, вторая – сдвоенная, – скорее всего, являлась маленькой винодавицей; в восточном конце комплекса был вырублен склеп с двумя гробницами. Открыто более 40 захоронений XIII–XIV вв., вырубленных в скале, которые, по мнению Т.Ю. Яшаевой, одновременны монастырским постройкам на мысе Виноградный (Яшаева 2004; 2007; Зубарь 2009, 406). Отсутствие культурного слоя и долгое использование пещер не позволяют определить точное время основания комплекса, но появление «скита» автор раскопок датирует концом VI – первой третью VII в., а пещерные сооружения, на ее взгляд, дожили до XV в., но периодически использовались и впоследствии – здесь был найден клад из 32 серебряных османских монет XVI в. (Чореф, Яшаева 2008). В 2009 г. раскопки на мысе Виноградный были возобновлены и открыли великолепно сохранившуюся пещерную церковь между ранее расчищенным пещерным «скитом» и еще одной группой пещер на ведущей к этому «скиту» тропе, соединяющей их между собой. Следовательно, в результате раскопок открыт монастырь с трапезной и двумя храмами – пещерным и наземным, растянувшийся на несколько сотен метров. Недавно высказано предположение, что пещерный скит VI в. на мысе Виноградный – убежище херсонесского святителя Св. Василия (Днепровский 2008).

письме графу Маркову. Его жалоба дошла до правительства, но в разразившемся конфликте Академия наук встала на сторону своего сочлена. Не получив от Паскаля требуемых архитектурных чертежей и видов, 30 января 1822 г. Конференция Академии наук уведомила архитектора, что она считает его миссию в Крыму законченной и «отказывается от продолжения» представленных им «зарисовок», так как он не выполнил свою основную задачу по экспедиции – произвести «замеры древних развалин», снять с них планы и зарисовать общие виды. Одновременно Министерство внутренних дел доверило консервацию памятников Крыма местным властям, отказавшись от услуг Паскаля: выяснилось, что все заказанные Академией наук геодезические инструменты экспедиционный архитектор отправил в Одессу, а без них он не смог бы провести замеры архитектурно-археологических остатков и составить планы древних руин в Крыму.

По распоряжению министра Академия наук запросила у Паскаля более детальные сметы, чем содержащиеся в его отчетах, на что он ответил, что краткие поездки, совершенные им с Кёлером для исследования всех памятников, достойных сохранения, не позволяли ему составлять обстоятельные сметы – эта работа требует вторичного тщательного осмотра руин, большего времени и новых расходов на поездки, превосходящих его денежные возможности, но он готов взяться за нее при условии дополнительного финансирования в объеме 35 тыс. руб. Однако академия посчитала, что она больше не в состоянии нести дополнительные расходы и что детальные сметы могут быть составлены крымскими архитекторами, назначенными властями для руководства ремонтными работами, так как они лучше, чем Паскаль, знают местность, стоимость материалов и рабочих рук. Из дневника Кёлера известно, что Паскаль на протяжении всей поездки 1821 г. выполнял рисунки археологических памятников Новороссии, но после конфликта с Академией наук он просто не захотел представить их «заказчику» и впоследствии вполне мог увезти все материалы во Францию. Посланные им в Академию три листа чертежей и рисунков в академическом архиве до сих пор не обнаружены, – возможно, они осели в личном архиве Кёлера.

Как свидетельствуют материалы Российского государственного исторического архива, итоги экспедиции 1821 г. неоднократно становились предметом обсуждения на заседаниях Комитета министров Российской империи³⁷. Архитектор Э. Паскаль представил Конференции АН несколько рапортов о консервации древних памятников архитектуры в Крыму, а в отчете, заслушанном 7 ноября 1821 г., назвал сумму в 41 тыс. руб. ассигнациями, необходимую на эти цели. Его смета и предложения Кёлера «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» были утверждены Александром I 4 июля 1822 г. Все расходы по реставрации памятников правительство взяло на себя, причем было решено «по окончании починок вверить дальнейший надзор за сохранением... зданий» местным властям. Министр народного просвещения А.Н. Голицын и министр внутренних дел В.П. Кочубей обсудили вопрос об охране древностей Тавриды с таврическим гражданским губернатором Н.И. Перовским, посчитавшим, что следует обратить основное внимание на охрану древностей греков и гетуэзцев, а не татарских и турецких «как ближайших к нашему времени народов». Сметные предложения Паскаля вызвали серьезные возражения и сокращение казенных расходов – было решено не оставлять в Крыму архитектора Паскаля «с особым жалованием» по 3 тыс. руб. в год, так как в распоряжении таврического гражданского губернатора находилось два архитектора (И.И. Лемерман – таврический губернский в Симферополе, А.А. Коробицын – городской в Феодосии),

³⁷ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1–1820. Д. 221. Л. 295–297; Оп. 1–1822. Д. 290. Л. 55–62об.; Оп. 1–1823. Д. 334. Л. 51–54.

а из Петербурга был отправлен в Крым «опытный архитектор» Я.И. Колодин «для производства казенных строений»³⁸.

Благодаря экспедиции 1821 г. и хлопотам ученых Академии наук впервые в истории России государственные средства были выделены на нужды охраны памятников. По представлению министра внутренних дел князя В.П. Кочубея из строительного капитала Российской империи в распоряжение таврического гражданского губернатора на первый год выслали 10 тыс. руб. Эта сумма предназначалась только на консервацию и реставрацию тех древних архитектурных памятников Крыма, которые находились на казенных и общественных землях. Гражданский губернатор должен был «распорядиться осуществить эти ремонты силами архитекторов, находящихся в его распоряжении» и «пригласить к пожертвованию» жителей Крыма для реставрации некоторых зданий, находящихся на частных землях. Но местная администрация после отставок херсонского военного губернатора А.Ф. Ланжерона и таврического гражданского губернатора Н.И. Перовского никаких конкретных мер не принимала, и выделенные средства вплоть до вступления в должность новороссийского генерал-губернатора М.С. Воронцова в 1823 г. оставались неиспользованными. М.С. Воронцов нашел им другое применение – на эти ассигнования были открыты музеи древностей в Одессе (1825) и Керчи (1826) и начаты систематические археологические исследования в Крыму и на Таманском полуострове И.П. Блаرامберга, П. Дюбрюкса и И.А. Стемповского, а с 1831 г. – А.Б. Ашика и Д.В. Карейши.

История экспедиции 1821 г. в Новороссию не получила должного освещения в литературе. Предложение Е.Е. Кёлера опубликовать в Лондоне или Париже описание крымских древностей «с живописными видами» по итогам экспедиции осталось неосуществленным. Еще в апреле 1822 г. граф С.С. Уваров посчитал, что предлагаемое Кёлером издание «живописного описания Тавриды» скорее дело Академии художеств, чем Академии наук, а из-за скудных средств, находящихся в распоряжении научного сообщества, без других источников финансирования этот проект осуществить невозможно. Министр народного просвещения А.Н. Голицын согласился с президентом Академии наук и пожелал привлечь для реализации проекта исключительно русских художников и граверов. Император Александр I в июле 1822 г. приказал представить ему смету издания. Президент Академии художеств А.Н. Оленин должен был выбрать художника для направления в Крым. В марте 1823 г. Кёлер вновь настоятельно просил министра народного просвещения «выписать» из-за рубежа художников для рисования и гравирования, так как «памятники сии год от году приходят в большее разрушение и причиняемые временем опустошения побуждают поспешить снятием видов сих драгоценных остатков древности». Составление необходимых карт академик предлагал поручить русским инженерным офицерам. По его мнению, литографический способ издания в данном случае был бы неуместен из-за получения при таком способе небольшого количества хороших оттисков. А.Н. Оленин также полагал, что необходимо выполнить не менее ста рисунков древних памятников Новороссии и предлагал поручить их нескольким мастерам, отправленным в Крым на один год, а именно, академикам К. Кюгельхену, М.Н. Воробьеву и молодому архитектору А. Тону (для содержания трех человек требовалось 18 тыс. руб. в год). Оленин предложил отказаться от литографирования и отдать предпочтение мастерству английских граверов на меди, издать книгу у книгопродавцев и передать им право собственности на рисунки. С этим категорически не согласился А.Н. Голицын,

³⁸ Стивен 1891, 38–40.

посчитавший, что само издание также необходимо напечатать за счет казны, а вырученные от продажи средства «предоставить в пользу российских художников», снимавших для книги виды Крыма. Комитет министров рассматривал этот вопрос 2 мая, 4 июля 1822 г., 2 октября 1823 г., 29 января 1824 г., решив отложить издание «впредь до удобнейшего времени». Наконец в январе 1824 г. император повелел вторично отправить в Крым экспедицию и издать описание древностей Тавриды с рисунками, но падение и отставка князя А.Н. Голицына в 1824 г., а затем смерть Александра I в 1825 г. поставили точку на этом проекте³⁹.

Научные результаты экспедиции 1821 г., прежде всего собственно археологические (в современном понимании задач этой науки), так и не были опубликованы, за исключением многочисленных новых памятников эпиграфики и нумизматики Северного Причерноморья. «Едва ли кому-либо известно, какие принесла плоды поездка в Крым академика Кёлера», – с явным раздражением констатировал П.И. Кёппен через 13 лет после завершения академической экспедиции⁴⁰. Тем не менее сразу же после возвращения в Петербург из Новороссии Кёлер начал обработку собранных материалов и стал издавать две части своего малодоступного сборника статей на французском и немецком языках «Serapis» (1822–1824), посвященного древностям Северного Причерноморья, который полностью в печати не появился⁴¹. Каждая из статей, первоначально печатавшаяся отдельным оттиском, имела римскую цифру с номером, показывающим, что он является его разделом. Большинство мелких статей Кёлера, входящих в «Serapis», издавалось мизерными тиражами, затем автор раздавал их коллегам, которым он благоволил, вельможным меценатам и коллекционерам. В свободную продажу эти издания не поступали и оставались практически недоступны для его научных оппонентов – И.А. Стемповского, И.П. Бларамберга, П.И. Кёппена и др. К тому же часть тиража второй части «Serapis» была по недоразумению уничтожена еще в типографии, поэтому Л.Э. Стефани, готовившему к печати собрание сочинений предшественника, удалось восстановить ее содержание с большим трудом – по оттискам статей, подаренных Кёлером коллегам. В собрание не вошли исследования Кёлера, изданные в трудах Императорской Академии наук на французском языке, частично вошедшие в «Serapis» в немецких переводах⁴².

Известно, что по итогам экспедиции Кёлер представил в Конференцию Академии наук ряд своих работ: «Die königliche Burg des Eumelus und die Stadt Gargaza» (1 мая 1822 г.)⁴³, оставшееся неизданным сочинение «Beiträge zu den Merkwürdigkeiten des Pontus Euxinus» (19 января 1825 г.), обширные труды «Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin» (31 августа 1825 г.)⁴⁴, «ΤΑΡΙΧΟΣ, ou

³⁹ Тункина 2002, 82–83.

⁴⁰ Кёппен 1834, 17.

⁴¹ Köhler 1822a–h; 1823; 1824a.

⁴² Köhler 1824b; 1826; 1832.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1822. Д. 33. Л. 45. § 134. Опубл.: Köhler 1824b; 1850. В этой статье академик разбирает пассаж Диодора Сицилийского (XX. 22–24) о войне за наследство боспорского царя Перисада I: в некой крепости, согласно древнему автору, восставший Евмел вместе с царем Арифарном оборонялся против своего брата Сатира. Кёлер соотнес руины «циклопических» стен и древних построек на горе Опук с «дворцом боспорских царей». Древнюю Гаргазу, куда были отведены войска после смерти Сатира, ученый локализовал близ позднейшей турецкой крепости Арабат. Вслед за С. Сестренцевич-Богушем, К. Маннертом, И.М. Муравьевым-Апостолом, Е.Е. Кёлер ошибочно считал, что события происходили на Европейском Боспоре.

⁴⁴ Опубл.: Köhler 1826. Обширное исследование из пяти глав с приложением двух карт и нескольких рисунков посвящено анализу нарративной традиции о культе Ахилла

Recherches sur l'Histoire et sur les Antiquités des Pêcheries de la Russie méridionale»⁴⁵ и др. В этих работах Кёлер ввел в научный оборот значительный объем неизвестных ранее эпиграфических и нумизматических источников, собранных им во время экспедиции 1821 г. Описания собственно археологического материала сохранились в отчетных материалах экспедиции: характеристика артефактов различных исторических эпох и архитектурно-археологических остатков от античности до нового времени на всем пути следования экспедиции от Санкт-Петербурга через Новгород до Москвы и далее на юг России через Тулу, Орел, Харьков, сведения о первых раскопках, описания первых музеев и частных собраний древностей в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Николаеве, Севастополе, Керчи, Феодосии, ст. Тамань – все это свидетельствует о зарождении в первой четверти XIX в. интереса русского общества к древностям своего Отечества. Комментированная публикация этих архивных материалов в полной мере осветит как сильные, так и слабые стороны профессиональной кабинетной науки об античности, существовавшей в России в первой трети XIX в.

Литература

1. Гнучева В.Ф. 1940: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описания архивных материалов. М.–Л. (Труды Архива АН СССР, 4).
2. Граков Б.Н. 1939: Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3, 231–312.
3. Днепровский В.Н. 2008: К вопросу о локализации убежища Св. Василия, епископа Херсонесского // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь, 1, 131–143.
4. Зубарь В.М. 2009: Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его округи (1914–2005 гг.). Симферополь (МАИЭТ, Suppl. 6).
5. Иванчик А.И. 2007: Первые шаги ольвийской эпиграфики: неизвестная рукопись Егора Кёлера в Берлине // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004). СПб., 182–213.
6. Илатовская Т. 1985: Рисунки братьев Кюгельхенов в собрании Эрмитажа // Западноевропейская графика XV–XX веков. Л., 125–131.
7. Карышковский П.О. 2003: Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Одесса.
8. Кёлер Е.Е. 1850: Рассуждение о памятнике царицы Комосарии // Археолого-нумизматический сборник... изданный Г.И. Спасским. М., 99–132.

и вопросам исторической топографии Причерноморья: о-в Фидониси (Левка), о-в Березань (Борисфен), Тендровская коса (ристалище, или бег Ахилла), Ольвия и «сарматское побережье», город Ахиллий с храмом Ахилла в Боспорском проливе у берегов Меотиды и др. В статье впервые опубликованы или републикованы многие севернопричерноморские надписи античной эпохи по собственноручным спискам Кёлера 1804 и 1821 гг.

⁴⁵ Köhler 1832. Исследование о рыбной торговле и рыболовном промысле в Черном и Азовском морях в античную эпоху и способах приготовления различных сортов рыб по данным нарративной традиции (около 60 страниц цитат и указаний на источники) и нумизматики. Кёлер доказывает, что соленая или сушеная рыба (ταρίχος) составляла принадлежность и бедного, и богатого стола древнего населения Северного Причерноморья. Автор описывает древнейшие монеты Ольвии с изображением рыб (дельфиновидные монетные слитки второй половины VI – начала IV в. до н.э., в том числе с надписью ΑΡΙΧΟ), предпринимает попытку их классификации и выяснения функционального назначения. Кёлер полагает, что помещенное на монетах-рыбках слово тарі́хос использовалось для доказательства их изобилия в этом регионе. Критику построений Кёлера см. Карышковский 2003.

9. Кёттен П.И. 1834: Археографическая и топографическая поездка по южному берегу Крыма // Одесский вестник. 17 января, 5, 17–18.
10. О сохранении... 1872: О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных / Публ. В.Г. Тизенгаузена, примеч. Н.Н. Мурзакевича // ЗООИД. 8, 363–403.
11. Паллас П.С. 1999: Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Б.В. Левшин (отв. ред.); Н.К. Ткачева (сост.). М. (Научное наследие, 27).
12. Придик Е.М. 1917: Инвентарный каталог клейм эрмитажного собрания. Пг.
13. Стевен А.Х. 1891: Дела архива Таврического губернского правления, относящиеся до разыскания, описания и сохранения памятников старины в пределах Таврической губернии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 13, 33–54.
14. Тункина И.В. 2002: Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.
15. Тункина И.В. 2009: Начальные этапы становления русской науки о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. 9. Одесса, 295–317.
16. Тункина И.В. 2010а: «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собрание сочинений в 2-х тт. / И.В. Тункина (сост. и отв. ред.); И.В. Тункина, Н.Л. Сухачев (подгот. текстов); Н.Л. Сухачев (пер. с франц.). СПб., 13–101.
17. Тункина И.В. 2010б: Раскопки в окрестностях Керчи в 1820–1822 гг. (курганы Патиниоти) // Дюбрюкс П. Собрание сочинений в 2-х тт., 413–419.
18. Тункина И.В. 2011: Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения юго-восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871. Киев.
19. Чорев М.М., Яшаева Т.Ю. 2008: Клад серебряных монет из пещерного комплекса в округе Херсонеса // МАИЭТ. 14, 434–499.
20. Юргевич В.Н. 1879: Эллинские и латинские надписи, найденные в Херсонисе // ЗООИД. 11. 1, 1–12.
21. Яшаева Т.Ю. 1995: Средневековый монастырь на мысе Виноградном // КМ (1994). 1, 150.
22. Яшаева Т.Ю. 1999: Христианский храм в округе Херсонеса на мысе Безымянном // Проблемы истории и археологии Украины. Тез. докл. Харьков, 77.
23. Яшаева Т.Ю. 2004: Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма. Сб. научн. трудов. Симферополь, 71–81.
24. Яшаева Т.Ю. 2005: Хазаро-булгарский храм в предместье византийского Херсона // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iaşi, 481–493.
25. Яшаева Т.Ю. 2007: Средневековый скит на мысе Виноградный // Православные монастыри: Симферопольская и Крымская епархия Украинской православной церкви Московского патриархата. Симферополь, 175–177.
26. Clarke E.D. 1817: Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. Pt. 1. Russia, Tahtary and Turkey. 4th ed. L., 2.
27. KGS 1850–1853: Köhler H.K.E. Gesammelte Schriften / L. Stefani (Hrsg.). Bd 1–6. SPb.
28. Köhler H.K.E. 1805a: Lettre sur plusieurs Médailles de la Sarmatie d'Europe et de la Chersonèse Taurique // Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. 14, 99–130.
29. Köhler H.K.E. 1805b: Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb.
30. Köhler H.K.E. 1822a: Zwei Aufschriften der Stadt Olbia. SPb.
31. Köhler H.K.E. 1822b: Beschluss der Stadt Olbia für Protogenes, Sohn des Heroson // Serapis, oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. I. SPb., 62–80 (=KGS. 1. 1850, 62–80).
32. Köhler H.K.E. 1822c: Médailles Grecques // Serapis... I, 1–29 (=KGS. 1. 1850, 1–29).
33. Köhler H.K.E. 1822d: D'un roi inconnu du Bosphore-Cimmérien // Serapis... I, 30–43 (=KGS. 1. 1850, 30–43).
34. Köhler H.K.E. 1822e: Über die Griechischen Städte, welche auf einem, zur Ehre des Theokles, von der Stadt Olbia gegebenen öffentlichen Beschlusse genannt werden // Serapis... I, 44–49 (=KGS. 1. 1850, 44–49).
35. Köhler H.K.E. 1822f: Notice des médailles de Mithradate VI. Eupator Dionysus, roi du Pont // Serapis... I, 50–58 (=KGS. 1. 1850, 50–58).
36. Köhler H.K.E. 1822g: Beschluss der Stadt Olbia für Dadus, des Tumbagus Sohn // Serapis... I, 59–61 (=KGS. 1. 1850, 59–61).
37. Köhler H.K.E. 1822h: Remarques sur un ouvrage intitulé «Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien» // Serapis... I, 81–234 (=KGS. 1. 1850, 81–234).

38. Köhler H.K.E. 1823: Beurtheilung einer Schrift. Alterthümer am Nordgestade des Pontus, von Peter von Koeppen // Serapis, oder Abhandlungen betreffend das Griechische und Römische Alterthum. II. SPb., 5–44 (=KGS. 2. 1850, 5–44).
39. Köhler H.K.E. 1824a: Description d'une médaille de Spartocus roi du Bosphore-Cimmérien du cabinet de Mr. le Chancelier de l'empire Comte de Romanzoff. Avec un supplément, contenant la description de plusieurs médailles grecques, rares et inédites, qui se trouvent dans le même cabinet // Serapis... II, 45–70. Отд. оттиск: SPb. (=KGS. 2. 1850, 45–70).
40. Köhler H.K.E. 1824b: Du château royal du Bosphore et de la ville Gargaza dans la Chersonèse Taurique // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. V sér. 9. SPb., 649–692. Отд. оттиск: SPb.
41. Köhler H.K.E. 1826: Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. V sér. 10. SPb., 531–820. Отд. оттиск: SPb.
42. Köhler H.K.E. 1832: ΤΑΡΙΧΟΣ, ou Recherches sur l'Histoire et sur les Antiquités des Pêcheries de la Russie méridionale // Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI sér. 1. SPb., 4–5, 347–490.
43. Köhler H.K.E. 1850: Das königliche Schloss des Bosphorus und die Stadt Gargaza auf der taurischen Halbinsel // KGS. 2. 1850, 133–217.
44. Köppen P. 1823: Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn Staatsrath und Ritter H. v. Köhler, zur Würdigung seiner Beurtheilung der im Jahre 1822 im XX. Band der Wiener Jahrbücher der Literatur gedruckten Schrift «Alterthümer am Nordgestade des Pontus» von dem Verfasser derselben. Wien (=KGS. 2. 1850, 225–246).
45. Latischew B. 1894: Die in Russland befindlichen griechischen Inschriften // MDAI (A). 9, 209–231.
46. Morgenstern K. 1839: H.K.E. Köhler. Zur Erinnerung an den Verewigten // Recueil des Actes de la séance publique l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg, 71–140.
47. Pallas P.S. 1801: Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd 2. Lpz.
48. Pallas P.S. 1803: Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd 2. (сокращ. переизд.). Lpz.
49. Tunkina I. 2003: The Formation of a Russian Science of Classical Antiquities of Southern Russia in the 18th and early 19th century // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A.N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday / P.G. Bilde, J.M. Højte, V.F. Stolba (eds.). Aarhus (Black Sea Studies, 1), 303–364.

THE ACADEMIC ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION TO SOUTH RUSSIA (NOVOROSSIYA PROVINCE) UNDER THE DIRECTION OF ACADEMICIAN H.K.E. KÖHLER (NEW ARCHIVAL DATA)

I.V. Tunkina

On the basis of archival documents the article reconstructs the history of the academic expedition taken place in 1821 to the Novorossiia Province (from Odessa to the Taman Peninsula) under the direction of academician E.E. Köhler (1765–1838). The French architect E. Pascal (1791–1861) also took part in this expedition. The travelers should make plans of ruins, copies of the ancient inscriptions, take measures for the protection of monuments, report on all the excavations and purchase antiquities for the Kunstkammer. The detailed information about the course of the expedition is given in the unpublished Köhler's travel diary (the Department of the Manuscripts of the Russian National Library) and in the documents on the organization, the conducting and the results of the expedition (the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, the Russian State Historical Archive), which are being prepared for the publication in the Russian translation.

Keywords: St. Petersburg Imperial Academy of Sciences, expeditions, the study of the archaeology of the South of Russia, the first quarter of the 19th century, protection of archaeological monuments.